И, обуяв в чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись от всей святыни,
От сердца стороны родной;
За всё, за всякие страданья,
За всякий попранный закон,
За тёмные отцов деянья,
За тёмный грех своих времён,
Пред богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,

Чтоб он простил, чтоб он простил! – призывал русский помещик Хомяков, славянофил, отнюдь не западник.

А.В. Бушмаков

«И В ЦЕРКОВЬ ИЗВОЛЬТЕ ХОДИТЬ!» РЕЛИГИОЗНОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Священник должен быть примером
Любви, смиренья, простоты,
Не должен быть он лицемером,
Не должен быть таким как ты![1]

Степень религиозности горожан на рубеже XIX–XX вв. обычно находилась в прямой зависимости от уровня их образования. Так называемый «образованный класс» тогдашнего общества в гораздо меньшей степени участвовал в формальных обрядовых процедурах, связанных с отправлением религиозного культа. Для «образованного класса» посещение церкви ограничивалось немногими праздничными днями, в повседневной жизни его представители почти не молились, не били поклоны, посты не соблюдали или соблюдали очень нестрого. Причем, это правило распространялось и на воспитанников духовных учебных заведений, а многие учащиеся семинарий и духовных училищ вообще отличались радикальными взглядами и в Бога не верили.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении воспоминаниям бывших учащихся Пермской духовной семинарии, а также сохранившимся экземпля-

[1] В качестве эпиграфа использован фрагмент стихотворения написанного неизвестным екатеринбургским гимназистом про своего законоучителя, из архивного дела 1870-х гг. связанного с «беспорядками» в Екатеринбургской гимназии.

рам рукописного журнала семинаристов «Республика», учеба в семинарии и подготовка к пастырской деятельности являлись для них не самыми важными моментами в жизни. К числу их увлечений относились танцы, театр, борьба, музыка, сочинения стихов и даже занятия коммерцией. Отношение значительной части учащихся к педагогам и семинарскому начальству, также как и к семинарским порядкам в начале XX века можно охарактеризовать как более чем неприязненное. Пермская духовная семинария отнюдь не являлась исключением, можно согласиться с утверждением Т. Леонтьевой, что духовные заведения пореформенной России были не способны справиться со своим прямым назначением[1].

В издававшемся в 1908 году в Перми под редакцией из трех человек: гимназиста, семинариста и гимназистки рукописном журнале «Наши думы» даны яркие зарисовки жизни семинаристов, показывающие жизнь это учебного заведения, полную напряженной борьбы между воспитанниками и их наставниками. Авторы журнала, критикуя современную им школьную систему, отмечают, что большинство учителей, по сути, являются чиновниками, озабоченными размером своего жалования и продвижением по службе больше, чем «воспитанием души» и «обогащением ума» своих учеников.[2] Пример такого педагога, отличавшегося к тому же, грубостью и формальным отношением к преподаванию, приведен в статье «Наши педагоги. Химера». Преподаватель В.А. Фаминский, по прозвищу «Химера», был столь непопулярен со стороны учеников, ругавших его за глаза «трехэтажной бранью», что во время волнений в семинарии в 1905 году был публично освистан. Вот как описывает автор статьи это значимое для него событие: «Семинаристы наполняют коридор, по которому движется фигура Химеры, а в воздухе висит страшный свист 200–300 семинаристов». После окончания забастовки, Фаминский активно принимал участие в изгнании из семинарии «крамольного элемента», в результате чего «наиболее сознательный элемент среди семинаристов был вынужден покинуть семинарию», которая «подпала под самодержавное владычество хулиганов-семинаристов, поддерживаемых начальством»[3].

Парадоксальным образом выходцы из духовного сословия, учащиеся духовных учебных заведений, в провинции в пореформенный период отличались вполне рационалистическим мировоззрением. Карьере священнослужителя многие из них предпочитали светскую, – наиболее способные семина-

[1] См. Леонтьева Т. Вера разуверившихся, оголтелость расстриг // http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/L/LeontevaT/ogoltel.html

[2] Журнал «Наши Думы». – № 2. 1908 // ГАПК. Ф.р-973. Оп.1 Д.491. Л.6.

[3] Там же. Л. 29–33 об.

ристы, как правило, поступали не в духовные академии, а в университеты, ветеринарные институты и т.п.

Выходцы из купеческо-мещанских слоев городского населения, воспитываемые с раннего детства в среде, где религия считалась основной ценностью, в случае если родители отдавали их учиться в средние учебные заведения со смешанным составом учащихся – гимназии, реальные училища, обычно становились если не атеистами, то людьми гораздо менее религиозными, чем их родители. Это происходило, несмотря на то, что в школах усиленно преподавался Закон Божий, и каждый учебный день начинался с общей молитвы.

Один из наиболее ярких примеров такого перелома, пережитого подростком из мещанско-купеческой семьи в гимназические годы описывает в своих мемуарах известный деятель освободительного движения начала XX века В.Л. Бурцев. Воспитывавшийся в религиозной семье своего дяди – зажиточного купца из города Бирска Уфимской губернии, он в детстве много молился, прикладывался к иконам, ставил свечи, ходил в церковь, особенно часто посещал местный монастырь, и даже мечтал о монашестве. В 14-летнем возрасте Бурцев вместе со своей теткой отправился в религиозное паломничество в Москву, где в течение десяти дней «ходили… по церквам, служили молебны перед чудотворными иконами, прикладывались к мощам, ставили свечи, клали поклоны»[1].

Однако уже в скором времени у подростка возникают все более и более усиливающиеся сомнения, вызванные знакомством с литературой, которую он начал читать в гимназии. Статьи Писарева, который «дал горячо написанный апофеоз Базарова и с восторгом говорил об его умении критически относиться ко всему и об его отрицании всякого рода предрассудков, которыми так богата была тогдашняя русская жизнь», а также работы Дрепера о католицизме в Европе, убедительно писавшего об эксплуатации народных суеверий, произвели на мальчика глубокое впечатление, хотя первоначально не поколебали его веры:

«Когда я читал Писарева и Дрепера, они не только не победили во мне мои мечты о гвозде Христа, но, мне казалось, он-то и заставляет меня чувствовать, что оба они – и Писарев и Дрепер – глубоко, печально, ужасно для них самих ошибаются. Обоих их я полюбил, и привязался к ним за то, что я у них прочитал. Но мне было больно за них, за их безверие»[2].

Тем не менее совсем скоро в сознании будущего революционера произошел коренной перелом, его безусловное принятие религии уступило ме-

[1] Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. – Берлин, 1923. – С.10–11.
[2] Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. – С.13.

сто прямому ее отрицанию: «… я сознавал, что уже более не могу отмахнуться от той мысли, которая, несомненно, давно, время от времени настойчиво преследовала меня, и от которой я так часто просто напросто убегал… До сих пор ни на одну минуту не могли на ней остановить меня ни Писарев, ни Дрепер… Я почувствовал, что в Успенском соборе в Москве меня обманули, надо мной насмеялись и то, что мне выдавали за гвоздь Христа, был просто напросто самый обыкновенный гвоздь, каких можно сколько угодно найти всюду, что кровь на этом гвозде – если только это была кровь – была, чья угодно, но только не кровь Христа, что «они» знают, что они мне лгали, лгали, следовательно, сознательно, что это им надо было для корысти или для чего-то еще более худшего…»[1].

Характерно, что юные и не очень прогрессисты, не ходившие в церковь и допускавшие критические выражения по отношению начальства, вызывали у окружавших их провинциальных обывателей не только однозначное отторжение, но гораздо более сложную реакцию. Как пишет тот же автор: «После того крушения, которое испытал у меня московский гвоздь, такое же крушение потерпели у меня и царь с его правительством. Это еще более смутило не только моих родных, но и большинство наших знакомых, и весь небольшой муравейник нашего небольшого провинциального городка. У меня… мальчика, еще не успевшего кончить курс гимназии, получилась репутация «неверующего», «социалиста», «революционера». На меня начали смотреть с изумлением, любопытством, с завистью и, если хотите, с тайным одобрением, как на смельчака и новатора, но, в то же самое время, и с опаской»[2].

Ситуация, когда родители были вынуждены столкнуться с бунтом своих детей-подростков по отношению к религии, были вполне типичны. Как правило, они разрешались на основании своего рода соглашения между родителями и детьми, когда дети, по настоянию старших, продолжали формально исполнять все необходимые обряды и ритуалы. Позицию родителей в данном вопросе четко выразила мать одного из главных героев в романе Н.Г. Гарина-Михайловского «Гимназисты»:

«…– Там, веришь ли ты или не веришь, мне решительно все равно. Я верю, что, когда надо будет, господь пожалеет меня и сделает тебя верующим; но вот чего я не могу позволить – это касаться сестер. «Горе соблазнившему единого от малых сил»… помнишь? Ни люди, ни бог не простят. И в церковь извольте ходить»[3].

[1] Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. – С.13–14.
[2] Там же. – С.15–16.
[3] Гарин-Михайловский Н.Г. Гимназисты. – М., 1986. – С.73.

Можно вполне определенно говорить, что в образованных семьях, вне зависимости от их сословной принадлежности и материального достатка, религиозное воспитание носило менее выраженный характер и ограничивалось зачастую набором формальных действий, неким минимумом, достаточным для того, чтобы не выходить за рамки приличий. О незначительной роли религии в жизни своих родителей – небогатых московских дворян – вспоминал П.Н. Милюков:

«Не думаю, чтобы у нас была даже дома Библия или Новый Завет. Книги эти долго оставались мне неизвестными. Религия, как воспитательное средство у нас отсутствовала: проявления домашней религиозности не шли дальше установленного минимума. В определенные дни приходил в дом священник с крестом, кадил и кропил, сопровождаемый нестройным пением дьячка и причетника. После обязательного обмена несколькими елейными фразами надо было наделить каждого соответственно иерархии. Этим кончалось домашнее соприкосновение со служителями церкви. Значение церковных обрядов, литургии и таинств, я мог узнать только из учебника «Богослужения» – но не в первых классах гимназии. А связь между догматами веры и их таинственный смысл оставались для меня неизвестными до университета»[1].

Подобная картина наблюдалась в образованных городских семьях и в провинции. Вспоминая о своем детстве, пришедшемся на 1880-е годы в Перми, писатель М.А. Осоргин (настоящая фамилия – Ильин), пишет, что религиозна в их семье была только мать, причем «верила она по-своему и несколько смущенно – для себя, никому не навязывая своей религии, даже детям». В доме будущего писателя, однако, соблюдались внешние атрибуты религиозного культа, «все, что картинно, красиво и приятно»: рождественские елки, троичные березки, пасхальные куличи, лампадки перед образом в правом углу, вкусные рыбные и грибные блюда в Великий пост»[2].

Надо отметить, что ограничения в пище во время поста были не особенно важны для состоятельных верующих – они могли позволить себе разнообразные рыбные, грибные блюда, икру и др., а вот для большинства населения России – что горожан, что крестьян, прожить полтора месяца питаясь в основном кашей, сваренной на воде, и квашеной капустой было действительно серьезным испытанием. По свидетельству автора книги о пермской духовной семинарии, даже семинаристам, учитывая их бедность, неофициально позволялось употреблять в великий пост скоромную пищу, – начальство закрывало на это глаза, понимая, что хороший постный стол слишком до-

[1] Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990, – Т.1. – С. 66–67.
[2] Осоргин М.А. Времена. – М., 1989. – С.61.

рог для них[1]. Тем более спокойно относились священнослужители к прочим, не соблюдавшим воздержание от скоромной пищи – это оставалось в первую очередь делом их личных убеждений, а также вопросом презентации себя в обществе их окружавшем. В условиях, в которых существовала большая часть горожан, состав меню не был тайной для окружающих – у людей обеспеченных еду готовила прислуга, бедные же жили слишком тесно и скученно.

Таким образом, слишком большая набожность в пореформенное время стала ассоциироваться с малообразованными и не слишком культурными людьми. Для образованного же горожанина было достаточно демонстрировать некий минимум своего формального участия в религиозной жизни, что давало гарантию от того, чтобы прослыть опасным вольнодумцем и избежать связанных с этим неприятностей.

Дети, воспитывавшиеся в подобных семьях, воспринимали религиозные обряды и посещение церкви как разновидность повседневных семейных ритуалов, не несущих какого-то сверхъестественного смысла, «традиционных и нетрудных». Даже если у детей в таких семьях возникали духовные потребности в отроческом и раннем подростковом возрасте, они зачастую не находили адекватного ответа. Родители не подавляли детскую религиозность, но и не стремились культивировать ее. О чувстве неудовлетворенности в отношении своих детских религиозных устремлений вспоминает в своих мемуарах П.Н. Милюков:

«Я уже знал, что бесполезно припоминать перед исповедью все грехи года, что священнику все равно их слушать некогда, и что он покроет меня епитрахилью, так сказать, в кредит»[2]. Не находя отклика своим потребностям ни в семье, ни в гимназии, где требовалась сугубо внешняя религиозность, юный Милюков стал «настоящим девотом» – стал часто посещать церковь, истово класть поклоны, креститься и т.п. Родители воспринимали такое поведение как странность и «отнюдь не поощряли», рядом не оказалось никого, кто бы «показал путь дальше». Через некоторое время, не встретившее сочувствие окружающих, увлечение религией прошло, уступив место другим.

Для большинства авторов мемуаров, описывающих свои детство и юность, пришедшиеся на конец XIX – начало XX века, резкий отход от религии связан с периодом учебы в средней школе – гимназии, реальном училище. Мемуаристы подчеркивают, что подростков отвращала от религии сама обязательность коллективного посещения церкви, молитвы, характерное для

[1] Седых Н.П. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877–1884 гг. – Пермь, 1915. – С.196.

[2] Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990, – Т.1. – С. 66–67.

дореволюционной школы преподавание основ религии в форме упорной зубрежки, не требующей каких-либо рассуждений:

«Искореняла религию гимназия, с ее обязательными посещениями церкви, молитвой перед уроками, преподаванием того, что преподаваться не может, и священным ужасом перед вопросами»[1].

В гимназической церкви, в среде однокашников о Боге и спасении души думать уже не было принято. М.А. Осоргин вспоминает, что посещение церкви привлекало пермских гимназистов, прежде всего тем, что туда приводили гимназисток из находившейся напротив Мариинской женской гимназии[2].

Взрослея, подростки обращали внимание на то, что их духовные отцы, священники, законоучители – более чем обычные, зачастую не очень умные и не слишком образованные люди, – от которых пахнет спиртным и табаком; что их социальный статус невысок, так же как и их доходы:

«… трудно было проникнуться лепостью службы, которую отправлял наш законоучитель, человек уже старый, неисправимый пьяница, сизоносый, неотесанный и исключительно глупый; кстати, ему поручалось и наше политическое воспитание, и иногда, хитренько нам подмигнув, он говорил в классе: «И еще бывают социалисты; это значит, что все твое – мое, а что мое, так это мы еще посмотрим»[3].

Безусловно, такие наставники проигрывали в сравнении с подлинными духовными лидерами той эпохи – писателями, публицистами и литературными критиками, чьи мысли и взгляды доходили и до провинциальных гимназистов в запрещенных школьным начальством, но от того только более интересных толстых литературных журналах. Именно они являлись референтной группой для многих провинциальных гимназистов и семинаристов, равно как и их старших товарищей.

К началу XX века можно вполне определенно говорить о разрушении системы основанных на религии традиционных ценностей и норм, происходившем у значительного количества школьников, несмотря на все старания официальных властей, инспекторов и педагогов. Интересным примером смены традиционного религиозного мировоззрения на противоположную является заметка «Как я сделался атеистом», с подзаголовком «Рассказ семинариста», опубликованная в издававшемся учащимися средних учебных заведений города Перми в 1908–1909 гг. рукописном журнале «Наши думы», хранящемся в Государственном архиве Пермской области в личном фонде П.С. Богословского. Ее автор, учащийся пермской духовной семинарии, рас-

[1] М.А. Осоргин. Времена. – М., 1989. – С.61.
[2] Там же.
[3] Там же. – С.62.

сказывает о своей эволюции – от наивного в своей набожности ученика духовного училища, до семинариста, прочитавшего брошюры «Христианство и социализм» и «Моисей или Дарвин», и пришедшего к убеждению, что «современная религия – это шарлатанство, которым пользуется духовенство, чтобы обманывать народ[1].

Воспитанный в традиционной религиозной семье, автор заметки первоначально отличался искренней религиозностью:

«Когда я еще учился в духовном училище, то был очень религиозен. Читал книги преимущественно духовного содержания, верил в загробную жизнь и с трепетом ожидал второго пришествия, т.к. по евангельским приметам, оно должно было скоро настать. Я часто вступал в споры с немногими из своих соучеников, отвергавших царскую и присную с ней власть, т.к. все это основывается, как мне казалось, на христианской религии; но переспорить их я не мог, ввиду отсутствия с моей стороны веских доказательств. Я часто вставал ночами, когда все ученики уже спали, и молился, откладывая иногда до 40 земных поклонов; когда же я прихварывал, то молился мученику Пантелеймону, чтоб он исцелил меня»[2].

Настоящим шоком для мальчика оказалось безбожие его старшего брата, с которым он увиделся, оказавшись на каникулах, после окончания духовного училища, перед поступлением в семинарию: «… мой старший брат оказался крамольником: ни бога, ни царя не признает. Я тотчас же начал отстаивать и то и другое, а он мне стал такие доказательства приводить, что я должен был или же молчать, или прямо ругаться с ним. Но ничего не помогало: брата убедить я не мог. Я только говорил в заключение спора: «Подожди, я вот съезжу в семинарию, наберусь там богословской премудрости и тебя в пух и прах разобью, а теперь, хотя и не могу тебя переспорить, а чувствую, что ты неправильно говоришь»[3].

Однако семинарская мудрость не помогла опровергнуть логику рассуждений брата. Более того, преподаватели семинарии пытались избегать неудобных для них вопросов и даже наказывали за них. Вместо того чтобы укрепить веру подростка, учеба в духовной семинарии только сильнее ее расшатывала:

«Приехал я в семинарию и с жаром принялся за изучение св. Писания, чтоб при случае отстоять свою веру. Но поверхностные объяснения учителем темных мест и расшибание многих учений, хотя бы Дарвинова, без всякой разборки его; преследование со стороны учителя и инспекции учеников, тре-

[1] ГАПК. Ф.р-973. Оп.1. Д.491. Л.52 об.–53 об.
[2] ГАПК. Ф.р-973. Оп.1. Д.491. Л.52 об.
[3] ГАПК. Ф.р-973. Оп.1. Д.491. Л.52 об.–53.

бующих у преподавателя более ясных и осмысленных объяснений темных мест Библии; инспекция, именем Христа изгоняющая товарищей, и, наконец, мои разговоры с последними о Бытии Божием (в казенном смысле), в которых больше слышалось одно сомнение, – все это поколебало меня и в моей душе начался перелом. Я припомнил все доказательства брата против существования Бога и был бессилен опровергнуть их Св. Писанием, т.к. содержимое последнего нужно принимать только на веру, а доказательства брата были голыми фактами, которым нельзя было не поверить»[1].

Другие семинаристы, с которыми юноша беседовал о религии, тоже не слишком были уверены в истинности церковного учения. Наконец, мальчик познакомился с запрещенной литературой, обосновывавшей материалистическое мировоззрение и критикующей религию и церковь. Автор заметки не говорит, кто передал ему запрещенные начальством брошюры, скорее это были его одноклассники, или старшие товарищи. Так или иначе, это чтение окончательно изменило мировоззрение семинариста, придав его разочарованию в религии и переход на материалистические позиции характер оформившегося убеждения:

«… попалась мне брошюра «Христианство и социализм» Бебеля, «Моисей или Дарвин» Доделя и еще другие, прочтя которые, я не мог противостоять им. Я понял, что современная религия – шарлатанство, которым пользуется духовенство, мороча темный люд. Но все же, во мне оставались потаенные уголки, где еще хранилась религия, и я иногда говорил сам себе: «а вдруг Бог есть. Что тогда мне будет?», но эти сомнения скоро исчезали.

Когда я приехал на вакат домой, то уже не спорил с братом, а даже показывал ему те темные места из св. Писания и сообщил еще некоторые новые факты в опровержение существования Бога, проповедуемого духовенством. Я верил еще, что есть какое-то существо, которое управляет миром, но это представление было очень неясным. Вскоре я взялся читать Дарвина, так ругаемого семинарскими учителями; порядочно произведений этого великого ученого прочитал я и убедился, что никакого Бога не существует, а весь мир живет и движется по обычным законам природы»[2].

[1] ГАПК. Ф.р-973. Оп.1. Д.491. Л. 53.
[2] ГАПК. Ф.р-973. Оп.1. Д.491. Л. 53 – 53 об.